

Глава VII. Разбор автократической конституции 1804 года

Централизация, отрицая верховную власть групп, является фикцией, которая существует временно лишь с согласия самих групп. — О династическом принципе в новейших конституциях. — Определение *тирании*.

Если читатель усвоил себе мысли, изложенные в предшествующих V и VI главах, то должен был вынести вполне ясное и непосредственное убеждение, без всякого умственного напряжения или усилия, в том, что централизация, вследствие своей неумеряемости, стремясь к удержанию в нераздельности групп, по существу своему самостоятельных, и к деспотическому управлению местностями, добровольно вступившими в ассоциацию, нарушает тот самый принцип, которым она старается оправдать себя, т. е. принцип политического единства; что при этом возникает антагонизм между центральным управлением и местными автономиями; что последствием этого антагонизма является искажение цели правительства, которое отныне прилагает все свои усилия на утверждение и развитие своего преобладания; и как в этой роковой борьбе общественное мнение склоняется в пользу централизации, то верховная власть постоянно торжествует над вольностями, расплачиваясь впрочем за свои победы периодическими революциями. И в самом деле, так как одно и тоже давление присуще каждой правительственной форме, то инстинкт масс побуждает их после известного времени страдания стремиться к перемене установленного порядка, что, при существовании централизации, заставляет страну лишь вращаться в кругу одинаково ложных гипотез, за которыми следуют одни те же разочарования. Форма изменяется, но тирания остается неизменною.

И все-таки, несмотря на опыт и логику, некоторые из этих гипотез, можно бы даже сказать все, в разные времена имеют за собою более или менее значительное число приверженцев. Многие убеждены, что если напр. республика, — они смешивают республику с демократией, — будет искренно проведена в действительности, то составит счастье народа и решительно всех отклонит от монархии. Но, замечают они, мы недостаточно *добродетельны*, чтобы быть республиканцами! Другие, и таких, если не ошибаюсь, теперь большинство, отдают предпочтение той смягченной, умеренной, консервативной и соглашающей монархии, которая, по их словам, одинаково заботится о свободе и власти, одинаково умеет ужиться с оппозицией и министерствами, и цель которой вполне выражена в данной ей кличке: *Золотая середина*. Есть наконец и такие, которые решительно высказываются за единоличное и сильное правительство и для которых сочетание цезаризма с простонародьем есть идеал политического общества.

Вот эти-то упорные предрассудки, которых не могут поколебать ни противоречия, ни неудачи, должны мы разбить; и надеюсь, что мы достигнем этой цели, если сосредоточим на самом дорогом для них пункте, централизации, возможно большее количество лучей нашей критики. Так как уже доказано, что в правительственном отношении все системы, в сущности, равноценны, что главное их дело централизация, что они различаются между собою лишь конституцией, или, как говорят астрономы, центральным уравнением, то на этот центр мы теперь и перенесем наше суждение. С этой точки зрения для достижения цели нам достаточно рассмотреть в последовательном порядке четыре члена конституционного цикла или серии, которых мы назвали *крайними и средними членами*.

Я сказал уже, что какова бы ни была конституция политического центра или, другими словами, центральной власти в государстве, составленном из многих самодержавностей или естественных групп населения; пусть центр этот представляется императором, королем, директорией, собранием, или же всем этим вместе; пусть он будет абсолютен или ответствен; пусть его подчинят правильному контролю, или же избавят от этого; пусть его ограничат в преимуществах, или дадут ему неограниченную власть: во всяком случае этот центр, шкворень всей системы, останется более или менее конституционной фикцией, но никогда не сделается полной реальностью, в силу самой природы вещей, по которой всякий организм, выводящий из своих естественных границ и стремящийся захватить или присоединить к себе другие организмы, теряет в силе то, что выигрывает в пространстве, и клонится к разложению. Я сказал уже, что правительство, таким образом устроенное, принужденное везде давать о себе знать, последовательно принимать все формы, быть всем понемногу, не может назваться нераздельным и в этом отношении погрешает против существенного закона власти, что поставленное таким образом в постоянное противоречие с самим собою, оно в конце концов истощит свой собственный абсолютизм и погрузится в анархию. Такое явление представляет нам прежняя французская монархия, утомленная после смерти Людовика XIV антагонистическими элементами, из которых состояла нация, и вынужденная, в надежде на спасение, отказаться от своих полномочий сованием генеральных штатов.

Докажем сперва, что даже в автократическом правлении, при личности государя и династической наследственности, централизация — химера.

Из всех наших конституций, с точки зрения сосредоточения власти и поглощения государственных сил, самая логическая есть бесспорно конституция 1804 г. В действительности эта конституция даже не представляет единства, потому что она заключается в том, что в центр берется один человек и этот человек ставится на место нации, её провинций, рас, местностей, закрываемых императорским плащом. Создав первую империю, Франция официально перестала представлять систему; она стала управляться *сенатус-консультами*, продиктованными императором, из которых первый и самый важный назван был *органическим сенатус-консультом*. Надо видеть, в чем состоял этот организм. Никогда деспотизм не выказывал такого излишества и бесцеремонности. Существование некоторых вещей можно до некоторой степени терпеть и извинять, но писать их — вечный позор для нации.

Глава I. Ст. 1. — Правительство республики вверяется императору, носящему титул *императора французов*. Правосудие отправляется во имя императора поставленными им

сановниками. Ст. 2. — Наполеон Бонапарт, нынешний первый консул республики, есть император французов.

Вся наполеоновская система заключается в этой первой главе. Остальное ничто иное как пустое оглавление подробностей. Обратите внимание на исходную точку правосудия и на сочетание этих двух слов: *Республика*, или что тоже *демократия*, и *император*. Это чудовищно, но логично.

Все общество, государство, правительство, граждане, производители, самая церковь, входит в область правосудия. Правосудие, по теории, которая на место самодержавия короля поставила самодержавие народа, исходит из демократии; демократия, на основании утверждённого народным голосованием сенатус-консультата 28 Флореаля, воплотилась в ея императоре; поэтому император все, и правосудие отправляется во имя его. Вот вам и общественный договор.

Глава II. — *О наследственности императорского достоинства.*

Глава III. — *Об императорском доме.*

Глава IV. — *О регентстве.*

Глава V. — *О высших сановниках империи.*

Высшие сановники империи: великий избиратель, архиканцлер, главный казначей, коннетабль, великий адмирал (за тем следует подробное исчисление их занятий, представляющих лишь одну формальную сторону).

Глава VI. — *О главных чиновниках империи.* Перечисление в роде предыдущего, не представляющее для вас никакого интереса.

Глава VII. — *О присягах.* Перечисление чиновников, подвергаемых присяге, и формула последней.

Глава VIII. — *О сенате.* Перечисление составляющих его личностей; фантастические преимущества.

Глава IX. — *О государственном совете.* Вполне подчиненная контора, разделенная на шесть отделений.

Глава X. — *О законодательном корпусе.* Перечисление занятий и только. Ни инициативы, ни обсуждения, ни гласности, ни контроля. Законодательный корпус вотирует налоги; но может ли он отвергать их?

Глава XI. — *О трибунате.* Он был уничтожен в 1807 г., как бесполезное колесо. Император мог бы тоже сделать с сенатом, законодательным корпусом и со всем остальным. Он ни в ком не нуждался, даже в собственной своей династии; ему довольно было бы одних исполнителей; но он любил иерархию.

Глава XII. — *Об избирательных коллегиях.* Система 1802 г. в четыре и даже пять степеней. Цензитарные условия; меры, помощники их, мировые судьи, председатели коллегий назначаются императором. (См. ниже).

Глава XIII. — *О верховном императорском суде.* Исключительное правосудие: оно неизбежно в автократическом иерархическом государстве.

Глава XIV. — *О судебном сословии.* Подробности, не имеющие серьёзного значения.

Глава XV. — *Об обнародовании законов.*

Все это было утверждено большинством 3.521,675 голосов против 2679. Наполеона обвиняли в том, что он своим честолюбием и войнами убил два миллиона людей. Если бы эти два миллиона убитых взяты были из числа 3.521,675, вотировавших империю, то я преклонился бы перед провидением, но меня смущает то обстоятельство, что большинство подавших голос за империю впоследствии стало на сторону Бурбонов и хартии.

Полагаю — не легко было бы еще более упростить и централизовать правительство и так всецело уничтожить, в пользу автократической верховной власти, вольности великой нации. Наполеон — централизатор по преимуществу; он восстанавливает дворянство, но не как институт, высший класс общества, а как орудие власти, собственно для себя; своими электоральными перегонами он уничтожает демократию, хотя и добивается её голосов; он презирает контроль буржуазного представительства, хотя и подчиняет ему свой бюджет; он гасит политическую жизнь в городах и деревнях; преобразует в иерархию естественную оппозицию элементов, борьба которых составляет душу цивилизации и обеспечивает прогресс; наконец, чтобы освободиться от своих брюмерских товарищей, сообщников его узурпаторства, сделавшихся его сенаторами, министрами, высшими сановниками и т. п., он восстанавливает в своем лице династическое право; провозглашает себя императором, источником всякого права; заставляет папу помазать себя на царство, не удостаивая сказать в своей конституции ни одного слова о церкви, которую вскоре доводит до раскола, и выставляет себя решительно полубогом.

Конституция XII года может быть рассматриваема как усовершенствование централизаторской системы; мы уже видели, как с логикой, презирающей всякое человеческое суждение, система эта сосредоточивается и воплощается в одном человеке.

Хорошо! какой же ответ дастся на все это разумом и опытом? Троякий, уничтожающий систему и покрывающий срамом узурпатора.

Первый ответ заключается в том, что вся эта автократия существует лишь фигурально, потому что правительство большого государства содержит в себе множество интересов и волей, для которых автократ является не более как представителем, если предположить, что эти воли согласны существовать и действовать посредством представительства.

Второй ответ состоит в том, что как только автократ, представляющий столько различных волей, которые скорее терпят его, чем в нем нуждаются, не удовлетворит их, или же сделается для них противен, то может рассчитывать, что они восстанут на него и даже

посягнуть на его личность.

Третий ответ тот, что если элемент цезаризма, всегда склонный к завоеванию и нетерпящий независимости, с одной стороны всего охотнее сходится с централизацией, даже ищет её и ставит ее себе в заслугу, то с другой стороны, по той же причине, элемент этот труднее всего согласить со множеством местных автономий, по поводу которых можно выразиться, что законность (Loyalisme) кончается там, где начинается их интерес и где проявляется их воля.

Монархия, выражение и символ политического единства, может быть на своем месте напр. в городе, естественной группе, которая живет своей собственной жизнью, порождает из собственных недр свое правительство, подобно матери, рождающей свое дитя, внушает ему с колыбели свою мысль, сознает себя в нем и радуется своему созданию, которое зовется мэром, бургомистром, королем, *patres conscripti* или муниципальным советом. Но этот самый государь, или исполнительная власть — природный царь в своей стране не сохраняет того же характера авторитета и законности в глазах присоединенных групп, которых частные воли всегда выкажут, что бы он ни делал, более или менее послушными приказаниям метрополии.

Короче сказать, монархия следует во всех своих движениях за централизацией; их участь одинакова; сила одной указывает могущество другой. В этом кроется причина предосторожностей, принимаемых в новейших конституционных государствах не столько против центральной власти, сколько против самого короля; здесь источник ограничений, налагаемых на прерогативу короны, но которые имеют своим следствием лишь возбуждение монархического принципа, заставляющее его вдаваться то в абсолютизм, то в демагогию.

Такие суждения здравого смысла подтверждаются фактами. Конституция 1804 г. первая свидетельствует против притязаний её автора. К чему этот сенат, столь послушный и раболепный, преобразованный в выгодную и почетную синекуру, но без преимуществ, без независимости, без власти, к чему, как не для прикрытия личного каприза властелина личиною прений и коллективности? К чему этот законодательный корпус, простая регистратурная палата, избираемая сенатом по списку, представляемому департаментами после трех степеней избрания, и возобновляемая ежегодно на одну пятую часть, к чему он, как не для сохранения между императором и департаментами какого-то признака общения? — К чему, спрашиваю я, все это лицемерие, все эти конституционные пошлости, как не для того, чтобы поставить преграду отдельным волям, которых нельзя уничтожить?

Император, надеясь разорить Англию, придумывает *континентальную блокаду*: тотчас же организуется контрабанда в огромных размерах; приморские города испускают страшные вопли, видя уничтожение своей торговли. Что же делает император? Он продает за деньги позволение вести торговлю колониальными товарами и становится таким образом монополистом этих товаров. Это тоже, что прежний *голодный договор* (*pacte de famine*), только без формального утверждения императорским декретом.

Чтобы разделаться с папой, Наполеон созывает собор, названный конституционным и составленный разумеется из прелатов, искренних галликан, преданных его власти, его династии и его личности. Но что же? Оказывается, что эти епископы остаются по-прежнему

истинными христианами, католиками, священниками, одушевленными духом церкви, говорящей их устами, сохраняя вполне подобающее уважение к Наполеону, они становятся на сторону папы; и собор обращается в поношение для императора.

Недовольный Талейраном, порицавшим его политику, и Фуше, позволявшим иногда себе в полицейских рапортах делать почтительные замечания, Наполеон объявляет им свое неудовольствие. К чему же это служит? Фуше продолжает пользоваться полицией, но уже для самого себя; он наблюдает за императором, отслеживает его путь, проникает в его решения, предвидит его падение; и из этого немого протеста оскорбленных личностей нарождается мысль, которая через три месяца заставляет Наполеона подписать отречение от престола.

Таким образом автократ, для поддержания своей воли против воли страны, вынужден вести войну со своими собственными *подданными*, войну истребительную. Где-то я читал, что жители одной общины, расположенной на границах в неприступной тущобе, в надежде на безнаказанность, отказались от повиновения императорским декретам; община эта была окружена вооруженной силой; дома были сожжены, снесены с лица земли, виновные перебиты, женщины и дети выселены на чужбину далеко от родины. *Ubi solitudinem faciunt, pacem appellant*. Император показал пример: он уничтожил гнездо возмущения, убил людей; но воли?..

Давимые автократией, воли составляют заговоры против автократа. При этом необходимо заметить следующий факт: при старой монархии города и провинции сохраняли в широких размерах свои льготы и обычаи. Они платили, но чувствовали свое существование, были самостоятельны. Поэтому цареубийство было редко. Оно обнаруживалось лишь в религиозные войны. После революции 1789 г. централизация становится правительственным догматом и вместе с этим в ужасающей степени учащается цареубийство; оно становится эндемическим, конституционным (ст. 35 Провозглашение прав 1793 г.). Пример подает конвент: сперва он убивает Людовика XVI, затем, как бы желая выместить свою диктатуру на невинных, он убивает жену короля, сестру короля, сына короля. Потом убивает он конституционалистов или фельянов, жирондистов, Байльи, Барнава, Малерба, Лавуазье, всех имевших какое-либо значение в абсолютной или представительной монархии. Затем начинаются репрессалии: телохранитель Пари убивает Лепеллетье, Шарлотта Кордей Марата, королей тогдашней минуты; Сесиль Рено пытается убить диктатора Робеспьера, который спустя несколько недель погибает от термидорианской реакции. Секции (городские части) затевают заговор в вандемьере, якобинцы в прериале; затевают заговоры и Бабеф и оба Совета, что в свою очередь влечет за собою вандомские экзекуции и фруктидорские ссылки. Наконец директория затевает заговор против самой себя и вызывает этим узурпацию Бонапарта.

Но и Бонапарт не избегает общей участи. Его военная диктатура суровее диктатуры конвента и директории; заговор против него неистовствует. В 1800 г. заговор республиканцев и заговор роялистов; — в 1803 г. заговор Пишегрю и заговор Кадудалья; — в 1808 и 1809 гг., военный заговор, известный под названием заговора *Филадельфов*; — в 1812 г. заговор генерала Малле; — в 1813 г. роялистское волнение, ропот в законодательном корпусе; — в 1814 г. восстают города, появляются Бурбоны; охранительный сенат объявляет низложение Наполеона. Не обнаруживают ли эти факты

более чем одновременность, связь между явлением и причиной? Предположите вместо всех этих властелинов-централизаторов, вместо конвента, Наполеона I, Бурбонов, Людовика-Филиппа, Наполеона III, федеральное единство, выражение договора взаимного страхования между 15 или 18 самостоятельными провинциями: неужели вы думаете, что заговор напал бы на такое единство, хотя бы оно было представляемо одним человеком, называвшимся королем?

Всего ужаснее то, что децентралистический заговор, если добьется цели после множества неудач, то не останавливается на государе, а поражает заодно и династию.

Людовик XVI убит вместе с своей семьей.

Казнен Робеспьер, а с ним и его партия, якобинцы.

Наполеон низвергнут с престола вместе с своим потомством.

Карл V изгнан, а за ним последовала в изгнание и вся его семья.

Людовик-Филипп низвергнут в свою очередь, и младшая ветвь, подобно старшей, осуждены на изгнание.

И заметьте, что ни один из этих династов не погиб за свои личные преступления или за пороки своего правительства. Людовик-Филипп был образцом отцов семейства; и если не обращать внимания на неудобства централизации и на порождаемые ею интриги и развращение, то июльское правительство было довольно сносно. Большинство направленных против него обвинений, в роде системы мира во что бы то ни стало и оставления на произвол судьбы Польши, обращаются в настоящее время в похвалу ему.

Карл X был прозван, и не без основания, *королем-рыцарем*. Самый большой упрек, какой можно сделать его частной жизни, тот, что, подобно Лафонтену, он купался в старости чрезмерной набожностью грешки своей молодости. Что же касается до его правительства, то оно, если оставить в стороне ретроградные поползновения этого вождя эмиграции, было несравненно нравственнее при Карле X, чем когда-либо впоследствии. Робеспьер, несмотря на ужас, которым террористическая система запятнала его имя, сохранил за собою репутацию *добродетельного и неподкупного*. Он мечтал о платоновской республике, когда был захвачен врасплох возмущением. Людовик XVI обладал всеми добродетелями частного человека; никто больше его не любил своего народа; к несчастью для самого себя он был искренно враждебен идеям своего века, не верил ни в философию, ни в революцию, ни в особенности в конституционное правление. Что касается до Наполеона, то он и теперь еще народный герой, Франция все ему простила. Его администрация была просвещенна, бдительна, экономна, справедлива: ей недоставало лишь одного — либерализма.

Должно быть велико преступление унитаризма, когда такой народ, как наш, преследует его с таким ожесточением в лице лучших своих государей. Не спасают их никакие добродетели, никакая слава, и в наших распрях с властью династия всегда является солидарною с её главой; такого характера не представляет английская революция 1688 г., так как один и тот же акт, низложивший Иакова II, определил вступление на престол его зятя, Вильгельма III.

Народ английский не так унитарен, как наш; у него меньше страсти к единству, а потому меньше и ненависти. Он умел обуздать династию, подчинить ее своей воле; он не вырвал ее с корнем. Не следует ли заключить из этого, что между принципами централизаторским и династическим существует скрытая связь, которая, при возмущении, переносит преступление отца на детей. Предоставляю обсудить эту тайну самому читателю.

Сделаем вывод: политический унитаризм или, другими словами, централизация, на сколько она выражается в удержании в правительственной нераздельности групп, которые по природе автономны и по здравому смыслу должны быть независимы и лишь соединены между собою федеративной связью, есть конституционная фикция, исполненная противоречий в теории и неосуществимая на практике. В ней заключается настоящая причина тех непрерывных династических перемен, которые уже 75 лет потрясают наше общество. Поэтому настоящую тиранию в новейших обществах нельзя иначе определить, как следующей формулой: *Поглощение самостоятельных местностей одною центральною властью с целью или династического преобладания, или же эксплуатации в пользу дворянства, буржуазии или санкюлотов.*

Версия #1

Зверобой создал 15 марта 2025 04:58:05

Зверобой обновил 15 марта 2025 04:58:48